

Мамытов Т.Б.

**ПРОЦЕССЫ ОСЛАБЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И
УКРЕПЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

T.B. Mamytov

**THE PROCESS OF WEAKENING OF NATIONAL CULTURE AND
STRENGTHEN THE ETHNIC CULTURE**

УДК: 008:159.922.7

В статье говорится о процессах ослабления национальной культуры и укрепления этнической культуры.

Ключевые слова: национальная культура, коммуникация, государство, институты, этническая культура.

The article refers to the process of weakening of national culture and strengthening ethnic cultures.

Key words: national culture, communication, government, institutions, ethnic culture.

Сегодня достаточно ярко проявляются две противоположные, но взаимосвязанные тенденции — резкое падение статуса национальной культуры и своеобразное возрождение и активизация национально-этнических культур. Поскольку «национальные культуры обладают достаточно универсальными информационными и символическими составляющими, они имеют возможность легче находить то общее пространство и те общие смыслы, которые позволяют им осуществлять коммуникацию» [1, с.82].

Признавая способность современного национального государства обеспечивать интеграцию своих граждан и обеспечивать их лояльность через формирование определенной политики в области языка, через институты образования и воспитания, через создание и поддержание форм массовых ритуалов и символов, через контроль над средствами массовой коммуникации, в то же время, что нет никакой причины рассматривать социокультурную интеграцию как первичную по отношению к таким процессам, определяющим целостность общественной группы, как политическое упорядочивание или социальная координация.

Однако нельзя не учитывать того факта, что политический строй базируется преимущественно на организации и силе, социальная координация — на рыночно-товарных отношениях и межличностном взаимодействии, а «социокультурная общность — на общественных связях, ориентированных на общие культурные обычаи, роли и символы» [2, с.83].

Учитывая эти два подхода, возможно, более объективным может явиться третий, позволяющий рассматривать различные пути подобной интеграции как альтернативные, определяемые уровнем культурного взаимопонимания и доминирующих традиций.

Несмотря на различие подходов, все исследователи и политики признают интегрирующее значение национальной культуры. Распространение государством высокой специализированной культуры от центра к относительно изолированным местным очагам народной культуры, находящимся на периферии,

является наиболее универсальным способом создания национального единства. Однако вне зависимости от оценки роли национальной культуры в формировании современных общественных систем, она обладает несравненно большим интегрирующим потенциалом, чем этническая культура.

Коммуникация и диалог присущи нации. Внутри общества они необходимы для формулирования собственной концепции интересов, между государствами — для взаимоувязывания концепций интересов. «Актуализация же этнических основ лишает национальную культуру способности вести диалог» [3, с.89] на тех основаниях, которые учитывают этническую специфику. Возможно, у человека будущего, живущего в мире интенсивных межкультурных коммуникаций, миграции, инвестиций и туризма, которые способствуют большему пониманию культурных различий исчезнет национальное самосознание. У человека безнационального впервые не будет адреса, а чувство привязанности к одному месту, которое рождало все культуры в прошлом, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание. Однако современная социокультурная практика показывает, что формирование этого «человека безнационального» сопровождается явными процессами возрождения «человека этнического».

Идея «диалога культур», залог безконфликтного культурного развития. В этот диалог, должны быть включены все современные культуры, обладающие весьма существенной спецификой и функциональными особенностями. В этом контексте понятие «диалог» дополняется такими коннотациями, которые определяют «направленность межкультурной коммуникации на признание многообразия как факта культурно-исторического развития» [4, с.120] и права на подобное многообразие. Здесь ведущим становится отказ от логики конфронтации и утверждение логики компромисса и сотрудничества, основанной на толерантности идеологий и культур и своей целью имеющей предотвращение различных социальных катаклизмов — как локальных, так и глобальных. В границах современной культуры и изменившегося под влиянием глобализационных процессов мира проблема диалога приобретает новое звучание в связи с тем, что принципы взаимодействия, выработанные культурой модерна, перестают выступать как универсальные. Сегодня очевидно, что необходимый запас прочности общественного и культурного развития связан, в большой степени, с разнообразием культур, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный

противостоять разрушительным тенденциям, что диалог - это единственная приемлемая основа современного культурного и цивилизационного равновесия.

Целью диалога выступает не любая коммуникация, а коммуникация, приводящая к пониманию, что проявляется в способности субъекта понимать текст культуры, выражать собственное к нему отношение через поведенческую активность - то есть, действовать в соответствии с социокультурным контекстом.

Эти способности субъекта к установлению понимания в результате диалога становятся наиболее востребованными в условиях современной культуры. Они выступают «выражением психологической, теоретической, философской, идеологической и т.п. открытости мышления»^[5,с.171], отказа от догматических конструкций и свидетельством способности осмысливать ситуации коммуницирования и действовать в соответствии с ними.

Основным необходимым условием для осуществления диалога является состояние равенства культур и отсутствие каких-либо иерархий – положений, авторитетов, которое означает их готовность выступать в качестве его субъектов. Если подобное неравенство будет присутствовать, диалог неизбежно превратится не только в монолог, но - вероятнее всего, в планомерное и жесткое проведение определенной политики, рассчитанной на интересы доминирующего субъекта коммуникации.

Для существования же равенства коммуникации необходима особая настроенность на взаимный обмен информацией, открытость смыслам иной культуры, стремление к познанию ее значений и отсутствие боязни утратить при этом собственное содержание. Фактически эта проблема как философская была впервые воспринята представителями герменевтики. Здесь главным стал вопрос о том, как возможно понимание или взаимодействие двух систем в случае несовпадения их основных элементов - языка, совокупности представлений, ценностных доминант, картин мира. Во взаимодействии культур «возможны ситуации трех типов»^[6,с.46-47].

Одна из них - развивается в состоянии равенства культур, связанного с взаимной информированностью о другом участнике коммуникации и взаимной же открытостью друг другу. Они могут не владеть культурными кодами друг друга, но знают об их содержании, могут не разделять ценностей друг друга, но знают их базовые компоненты и осознают причины их специфики. Эта ситуация создает условия для диалога, где обе культуры демонстрируют стремление к пониманию друг друга.

Во второй ситуации один из участников общения демонстрирует описанные выше качества, другой такой настроенностью не обладает. В этой ситуации более опытный и гибкий участник коммуникации исходит из признания различий в мире и уважения к ним и выстраивает отношения, принимая отличные от собственных взгляды,

верования, ценности, формы поведения. Это та ситуация, которая может быть осмыслена в терминах толерантности как доктрины, основанной на признании основных свобод и универсальных прав человека, на отказе от догматической абсолютизации истины. Здесь толерантность выступает как признание равноправия всех культур, означающего отсутствие привилегий в системах взглядов и ценностей.

В третьей ситуации обе культуры, вступающие в коммуникацию, обладают равенством в том смысле, что они обе в равной степени не владеют информацией о своем партнере как обладающем значимостью и для них самих, и в этом смысле они обе предельно закрыты друг для друга. Они обе не готовы к принятию иных базовых оснований культуры, диалогичность их общения присуща не будет, а отношения между этими общностями будут иметь характер перемирия, носящего, как правило, временный характер.

Говоря о способности к изменениям, необходимо осознавать, что она связана с обстоятельствами самого различного рода. В первую очередь, с доминированием в культуре либо традиционалистской, либо инновационной установок, которые, соответственно, порождают признание ценности либо воспроизводства установленных образцов, либо развития и трансформаций. К первым, в большей степени, относятся традиционные религиозные культуры, ко вторым – современные светские культуры.

Во вторую очередь, это связано с образом жизни, где аграрное хозяйство с его производственной цикличностью порождает и соответствующую установку на восприятие событий, либо включенных в этот круг бытия, либо нарушающих прецедентность и выступающих в качестве негативного фактора развития. Индустриальное же производство или деятельность в рамках постиндустриальной экономики настроена на инновационность как условие экономического, а, следовательно, символического, доминирования, как единственно надежный фактор продвижения по пути технологического прогресса, который в системах подобного типа также обладает особой ценностной значимостью.

Таким образом, пределы и возможности диалога задаются теми характеристиками, которые отличают культуры друг от друга. Причем, эти характеристики связаны отнюдь не с пространственными факторами, где столь привычным является разграничение культур на западные и восточные, северные и южные, европейские и азиатские и т.п. Практика сегодняшнего дня свидетельствует о том, что ценности всех культур, вне зависимости от их пространственных характеристик, естественным образом воспринимаются всем мировым сообществом.

Сегодня не вызывают удивления ни развитие в Центральной Азии идей «Свидетелей Иеговы», «Церкви Христа», ни проникновение в культуру Европы, идей буддизма.

Следовательно, не пространственные факторы являются теми, которые способны препятствовать

диалоговой коммуникации. Такими становятся факторы временные.

Если обратиться к тем процессам, которые характеризуют состояние современности. После конфликтов на Ближнем Востоке Европа испытывает миграционное давление, что заставляет правительства европейских стран и прежде всего, Турции, Греции и Италии, выполняющих функции своеобразного «моста» между континентами, принимать решения о пересмотре многих соглашений - прежде всего - Шенгенских, и доктрины мультикультурализма, - казавшихся совсем недавно практически незыблемыми. Сегодня беженцы, равно как и трудовые мигранты, становятся нежелательными гостями в европейских странах. Все это приводит к тому, что ведущие политики европейских держав признают крах в Европе политики мультикультурализма.

Но и в самой Америке идеальная модель мультикультурализма, нивелирующего неравенство этногрупп посредством демократических институтов, показала свою ограниченность, прежде всего, в той ее части, которая касается специфики этносов и готовности этногрупп отказаться от своего этнического своеобразия в пользу национальности и гражданства. Это проявляется в нежелании ассимилироваться в американскую культуру со стороны многочисленных групп мигрантов. Многие граждане Америки не знают английского языка или владеют им в ограниченных пределах, позволяющих осуществлять лишь бытовую коммуникацию.

В китайских, русских, индийских кварталах говорят на своих языках и диалектах, во многих южных штатах - там, где большинство населения имеет латиноамериканское происхождение - в качестве государственных языков сосуществуют два - английский и испанский. Все это свидетельствует о том, что граждане различных стран все в большей степени соотносят свои идеалы и свой образ жизни с теми, которые формируются в локальных сообществах. Эта ситуация достаточно опасна - прежде всего, тем, что гражданское единство по своему значению уступает единству этногрупповому, региональному или этноконфессиональному.

Фактически Европа пошла по американскому пути. Сегодня же - после событий на севере Африки и ближнем Востоке - стало очевидно, что перемещение различных групп через границы европейских государств и их легализация - вплоть до получения ими гражданства - отнюдь не гарантирует приобщения этих групп к смыслам и специфике культуры-реципиента как отдельных национальных культур, так и общеевропейской. Напротив, наиболее распространенной для этих групп становится практика геттоизации и культурной изоляции. Фактически это приводит к распадению страны на различные культурные локалии, что является, нежелательным, так как подрывает основы ее безопасности.

Причина проблематичности включения новых граждан в новое для них культурное пространство кроется - именно во временном факторе.

Все европейские страны находятся на пост-индустриальной стадии развития. Основой их экономики является промышленность и высокотехнологичное производство, основанное на специализации труда; фундаментом социальных отношений выступают классовые отношения, базирующиеся на экономическом факторе; ведущим социально-демографическим фактором становится модернизация; для общественного сознания характерна рационализация и доминирование линейно-исторического мышления; в обществе существенно возрастает роль коммуникационных факторов и средств массовой информации; базовой единицей общества выступает индивид, гражданин, а не община или сословие; доминирующей становится индивидуальная идентичность, сочетающаяся с групповой, основанной на классовых принципах, которая уже с середины XX в. уступает место гибкой идентичности, неустойчивой, постоянно перестраиваемой в соответствии с изменяющимися условиями.

Однако идентичность «новых граждан» весьма прочна - ее основой являются родовые, общинные связи, что характерно для доиндустриальных обществ с архаизированной экономикой. Экономика этих стран сочетает в себе черты традиционного хозяйства и индустриализма. Соответственно, культура этих стран характеризуется традиционализмом, в общественном сознании ярко проявляет себя религиозный фактор, приводящий к доминированию мифологического мышления, а общественные связи базируются на общинных принципах. Для ментальности представителей этих культур характерна опора на этнические стереотипы, которые служат для экономии усилий при восприятии сложных социальных объектов. Эта культура закрыта, замкнута, практически не подвержена влиянию иных культурных традиций и вследствие своего стремления к доминированию охранительных тенденций в меньшей степени приспособлена к диалогу.

То есть, наименее приспособленными к диалогу сегодня оказываются культуры традиционного типа. Это связано с тем, что значительная содержательная составляющая этих культур передается только в процессе устной коммуникации. Многочисленные предписания, запреты, детализированная регламентация всех составляющих культуры - все это является для представителя традиционной культуры более значимой составляющей жизни, чем аналогичные смыслы для представителя культуры современной. Таким образом, традиционные культуры стремятся к замкнутости на себя, к закрытости, что определяется стремлением к самосохранению.

Несмотря на то, что и первые и вторые культуры обладают собственной спецификой и наиболее полно их особенности развиваются в том конкретно-историческом контексте, в границах которого они сформировались. Перемещение же, чаще всего, вынужденное, представителей одной культуры в иной культурный ареал приводит к сосуществованию в едином социальном пространстве совершенно

различных по своим временным характеристикам общественных групп.

Это создает своеобразную темпоральную рассогласованность общественного развития, которая свидетельствует не о его комплексном характере, а о его неравномерности, когда в общем социально-политическом пространстве сосуществуют точки регионов, обладающие принципиально различным социально-экономическим содержанием и динамикой развития. В этом случае подобная неравномерность выступает в качестве источника потенциального общественного напряжения, что связано, прежде всего, с тем, что различным общественным отношениям соответствуют различные же типы мировоззрения, картины мира, системы мотиваций, ценностных представлений.

Это рассогласование провоцирует явления ксенофобии и усиливает этническую базу этнонационализма. Этот «внутренний национализм», направленный не против народов других стран, а против иммигрантов, представителей других этносов и культур внутри современных наций, является реакцией на усиление культурного разнообразия обществ. Право на культурную самобытность в повседневной жизни «неполных граждан» оказывается политическим в своем основании и предполагает достаточную степень правовой, судебной и пространственной автономии. Однако публичное политическое признание культурных меньшинств угрожает целостности государства-нации и актуализирует проблему этнической основы национального государства.

Главный вопрос связан с тем, нужно ли преодолевать эти тенденции темпорального рассогласования и что может способствовать установлению диалогических отношений между представителями различных культурных традиций, которые становятся гражданами одного государства.

Совершенно очевидно, что указанные противоречия преодолевать необходимо. Социальная солидарность - это условие развития общества и основа его национальной безопасности, в то время, как культурная противоречивость, отсутствие объединяющих культурных факторов между народами одного государства - это основа для сепаратизма и разрушения государственности под лозунгами самоопределения.

Несмотря на трудность этой задачи, ее осуществление, на наш взгляд, возможно. И основой для установления диалогических отношений может стать интеграционная модель.

Литература:

1. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ//Международный журнал социальных наук. 1994. №33. Август. с.82.
2. Там же. с.83.
3. Там же. с.89.
4. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству. Полис.1996. №6. с.120.
5. Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. М., 2004. с.171.
6. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме//Вопросы философии. 1997. №11. с.46-47.

Рецензент: д.филос.н. и д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.